

Налимов А.Ю.

СЕТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГИПОТЕЗА ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ЦИКЛОВ
ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

Алексей Налимов
СЕТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ
Гипотеза повторяющихся
циклов интеграции
и дезинтеграции
человеческих сообществ

<https://litres.ru/74193119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — гипотеза. Не о существовании Атлантиды или пришельцев, а о том, что на историю нашей цивилизации можно посмотреть совсем иначе, чем это принято сегодня.

Она не претендует на роль академического исследования и не предлагает окончательных ответов. Это попытка взглянуть на известные исторические факты под другим углом, увидеть между ними связи, которые обычно остаются незамеченными, и объединить их в единую картину.

Эта книга не требует безоговорочно принять изложенные в ней идеи. Она предлагает другое — на время отказаться от привычных представлений, последовательно рассмотреть

предложенную гипотезу и самостоятельно решить, насколько она убедительна.

Содержание

Глава 1	6
Пролог	8
ЧАСТЬ I	13
Глава первая	13
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Налимов
СЕТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ
Гипотеза повторяющихся
циклов интеграции
и дезинтеграции
человеческих сообществ

Глава 1

Настоящая работа не претендует на открытие нового закона истории. Она представляет собой попытку сформулировать гипотезу, возникшую из наблюдения повторяющихся процессов, прослеживающихся в археологии, истории и антропологии. Если эта гипотеза окажется неверной, автор надеется, что она по крайней мере поможет поставить новые вопросы и предложит иной способ взглянуть на уже известные исторические факты. Если же она окажется хотя бы частично верной, возможно, она позволит по-новому понять развитие человеческих обществ и причины крупных исторических трансформаций.

Историю человечества обычно описывают как историю народов, государств и цивилизаций. Мы говорим о возникновении Египта, расцвете Месопотамии, гибели микенского мира, падении Римской империи, коллапсе цивилизации майя. При этом объектом исследования почти всегда становится конкретное общество, государство или культурная традиция.

Эта книга предлагает посмотреть на историю под другим углом.

Ее исходная гипотеза состоит в том, что главным объектом исторического анализа могут быть не государства и даже не цивилизации, а сети взаимодействия, объединяющие че-

ловеческие сообщества посредством торговли, обмена технологиями, миграций, распространения знаний и культурного взаимодействия.

Такие сети могут существовать тысячелетиями, охватывая огромные пространства и связывая между собой общества, принадлежащие к разным языкам, культурам и политическим системам. Именно они обеспечивают распространение технологий, специализацию производства, экономическую взаимозависимость и культурный обмен.

Если принять эту точку зрения, многие события мировой истории предстают в ином свете. Возможно, то, что мы привыкли называть «гибелью цивилизации», в действительности является прежде всего трансформацией или распадом сети высокой связности, тогда как население, культура и многие традиции продолжают существовать, постепенно становясь частью новых сетевых структур.

В этом случае предметом исследования становится уже не вопрос «почему погибла та или иная цивилизация?», а вопрос «каким образом возникали, развивались, разрушались и заново формировались сети человеческого взаимодействия?»

Именно этот вопрос положен в основу настоящей работы.

Пролог

Одна и та же история

Представьте себе археолога, который будет жить через пять тысяч лет. Во время раскопок древнего морского порта начала XXI века он обнаружит тысячи самых обычных предметов. Контейнеры, прибывшие из Китая. Медь, добытую в Южной Америке. Литий из Австралии. Нефть с Ближнего Востока. Редкоземельные металлы из Африки. Электронные компоненты, произведенные на Тайване. Зерно, выращенное за тысячи километров от места, где оно было найдено.

Для современного человека подобная картина не кажется удивительной. Мы живем в мире, где товары ежедневно пересекают океаны, где технология, созданная в одной стране, через несколько месяцев становится доступной на другом конце планеты, а экономические кризисы способны почти одновременно затронуть государства, разделенные тысячами километров.

Но археолог будущего увидит этот мир иначе.

Он не будет знать привычных нам политических споров. Большинство современных государств, вероятно, давно исчезнет или изменит свои границы до неузнаваемости. Названия международных организаций останутся лишь в трудах специалистов. Многие языки изменятся настолько, что их придется расшифровывать так же, как сегодня расшифровы-

вают древние надписи.

И все же один вывод этот археолог сделает почти наверняка.

Когда-то человечество представляло собой чрезвычайно сложную систему взаимосвязей. Ни одно общество не существовало само по себе. Экономика одних стран зависела от ресурсов других. Производство было распределено между континентами. Морские пути соединяли государства в единую систему обмена. Миллиарды людей, сами того не замечая, ежедневно участвовали в жизни огромной сети, охватывавшей почти всю планету. Именно эта сеть делала современный мир таким, каким мы его знаем.

Теперь представим другой вопрос.

Что увидит археолог, если эта система однажды перестанет существовать? Будет ли он говорить о гибели отдельных государств? Или главным событием для него станет распад самой сети, которая когда-то связывала их между собой? Этот вопрос кажется необычным лишь до тех пор, пока мы не обратимся к прошлому.

История человечества знает множество событий, которые принято описывать как гибель цивилизаций. Мы говорим о катастрофе позднего бронзового века, уничтожившей великие дворцовые государства Восточного Средиземноморья. Мы говорим о падении Западной Римской империи, изменившем лицо Европы. Мы говорим об исчезновении крупных городов майя, о распаде древнейших торговых систем,

о кризисах, после которых мир уже никогда не становился прежним.

Обычно каждое из этих событий рассматривается отдельно. Археологи изучают поздний неолит. Историки античности исследуют бронзовый век. Специалисты по Риму занимаются своей эпохой. Историки Средневековья — своей. Каждая дисциплина имеет собственные источники, собственные методы и собственный круг вопросов. Такой подход естественен.

Однако у него есть одна особенность.

Он заставляет нас видеть историю как последовательность отдельных миров, почти не связанных между собой. Мы сравниваем государства. Сравниваем культуры. Сравниваем религии. Сравниваем армии. Но почти никогда не сравниваем то, что объединяло их всех. Между тем именно связи делают общество сложным. Ни одна цивилизация не возникает в пустоте. Каждая развивается благодаря обмену. Обмену товарами. Обмену знаниями. Обмену технологиями. Обмену людьми. Даже война представляет собой особую форму взаимодействия между обществами. Без этих связей невозможно представить ни появление крупных городов, ни развитие ремесел, ни распространение новых идей, ни возникновение письменности.

Связи редко становятся главным героем исторического повествования. Они почти незаметны. Подобно воздуху, они окружают человека постоянно, и именно поэтому их суще-

ствование кажется само собой разумеющимся.

Но стоит этим связям исчезнуть, как меняется все.

Города теряют свое значение. Дальняя торговля прекращается. Сложные формы управления оказываются ненужными. Исчезают профессии, существование которых зависело от большой системы обмена. Иногда вместе с ними исчезает и письменность. Не потому, что люди внезапно разучились писать. А потому, что исчез мир, для которого эта письменность была создана.

Именно здесь возникает вопрос, положивший начало этой книге.

Что, если главным действующим лицом мировой истории являются не государства и не цивилизации? Что, если главным героем истории следует считать сети человеческих связей, которые возникают, усложняются, объединяют огромные пространства, а затем переживают кризисы, распадаются и постепенно возникают вновь — уже в новом виде?

Если эта мысль ошибочна, дальнейшие страницы должны показать, в чем именно заключается ошибка. Но если в ней есть хотя бы доля истины, тогда многие исторические события могут предстать перед нами совершенно иначе. Возможно, катастрофа бронзового века была не только гибелью нескольких государств. Возможно, падение Западной Римской империи было не только сменой политической власти. Возможно, крупнейшие переломы человеческой истории следует рассматривать прежде всего как моменты, ко-

гда менялась сама структура связей между обществами.

Эта книга не пытается доказать существование универсального закона истории.

Она предлагает гораздо более скромную задачу. Попробовать взглянуть на прошлое так, словно главным предметом исследования являются не государства, не империи и не народы, а соединяющие их сети взаимодействия. Если такой взгляд окажется бесплодным, книга не достигнет своей цели. Но если он позволит увидеть закономерности, которые раньше оставались незамеченными, значит, поставленный в самом начале вопрос был задан не напрасно. Потому что иногда достаточно изменить не факты, а угол зрения, чтобы совершенно иначе увидеть всю картину прошлого.

ЧАСТЬ I

Новый взгляд на историю

Глава первая

Государства, цивилизации и невидимый герой истории

На протяжении нескольких тысячелетий история рассказывала прежде всего о государствах. Она рассказывала о возникновении Египта, о могуществе Ассирии, о величии Рима, о расцвете Китая. Исторические эпохи получали свои названия по именам народов, империй и правителей. Даже когда речь заходила об экономике, культуре или религии, почти всегда подразумевалось, что именно государство является главным действующим лицом исторического процесса.

Подобный взгляд кажется настолько естественным, что редко вызывает сомнения.

Действительно, государства принимают законы, ведут войны, строят дороги, собирают налоги, заключают договоры и создают письменные архивы. Они оставляют после себя дворцы, крепости, храмы и города. Именно поэтому археолог чаще всего сталкивается прежде всего со следами государств.

Однако существует одна особенность, на которую редко обращают внимание.

Ни одно государство никогда не существовало само по себе. Даже самые могущественные империи зависели от того, что находилось за пределами их границ. Древний Египет нуждался в древесине Леванта. Месопотамия не имела собственных месторождений многих металлов. Микенская Греция получала олово, без которого невозможно было производство бронзы. Рим зависел от поставок зерна, перевозимого через все Средиземное море. Даже самые могущественные державы древности не могли обеспечить себя всем необходимым. Они существовали благодаря бесчисленным связям, соединявшим их с окружающим миром.

Мы настолько привыкли к этому обстоятельству, что почти перестали его замечать.

История рассказывает о Риме. Но редко рассказывает о тысячах кораблей, ежедневно пересекавших Средиземное море. Она рассказывает о микенских царях. Но значительно реже говорит о торговцах, перевозивших металл между Кипром, Анатолией и Эгейским миром. Она подробно описывает дворцы бронзового века. Но гораздо меньше внимания уделяет системе обмена, без которой сами эти дворцы не могли бы существовать. Возможно, причина заключается в том, что связи плохо поддаются описанию.

Государство можно нанести на карту. Можно определить его границы. Можно назвать имя правителя. Можно перечислить династии.

Но где проходят границы торговли? Где заканчивается

распространение технологий? В какой момент случайный обмен превращается в устойчивую систему? Ответить на подобные вопросы значительно труднее. Поэтому история долгое время предпочитала изучать то, что легче увидеть.

Между тем существует любопытное обстоятельство.

Когда историки говорят о гибели государства, они обычно имеют в виду исчезновение его политической организации. Когда археологи говорят о гибели цивилизации, они имеют в виду прекращение существования определенного культурного комплекса. Но люди при этом чаще всего продолжают жить. Продолжают выращивать хлеб. Продолжают строить дома. Продолжают воспитывать детей. Продолжают говорить на своем языке или постепенно переходят на другой.

Меняются элиты. Меняются формы управления. Меняются культурные традиции. Но сама жизнь не прекращается.

Если так происходит снова и снова, возникает естественный вопрос. Что же именно исчезает во время крупнейших исторических кризисов?

Этот вопрос кажется неожиданным только на первый взгляд.

Когда около 1200 года до нашей эры рухнула международная система позднего бронзового века, население Восточного Средиземноморья не исчезло. Когда прекратила существование Западная Римская империя, Европа не опустела. Когда пришли в упадок классические города майя, народ майя продолжил существовать.

Во всех этих случаях исчезало нечто другое.

Разрушалась сложная система взаимодействия, которая на протяжении столетий соединяла множество обществ в единое пространство обмена. Именно она обеспечивала движение товаров, распространение технологий, дипломатические отношения, переселение ремесленников и передачу знаний. Пока такая система существовала, отдельные государства могли быть политическими противниками и одновременно оставаться экономически взаимозависимыми. Когда же она разрушалась, последствия ощущали практически все ее участники, независимо от их военной силы или богатства.

Эта особенность заставляет поставить вопрос, который и стал отправной точкой настоящей книги.

Возможно ли, что главным действующим лицом мировой истории являются не государства, а системы связей, объединяющие государства между собой? На первый взгляд подобная постановка вопроса кажется непривычной. Но сама история неоднократно подсказывает нам именно такой взгляд. Каждый раз, когда рушится сложная система взаимодействия, мы видим не только политические перемены. Мы наблюдаем сокращение торговли, изменение путей миграции, исчезновение некоторых ремесел, упрощение хозяйства, прекращение строительства крупных общественных сооружений, а иногда и утрату письменности.

Все эти процессы обычно изучаются отдельно. Однако

возможно, что они представляют собой различные проявления одного и того же явления. Если эта гипотеза верна, тогда привычный взгляд на историю требует небольшого, но очень важного изменения.

Главным героем исторического повествования становятся уже не только государства. Главным героем становится пространство связей, внутри которого государства возникают, развиваются, взаимодействуют и, в конечном счете, изменяются вместе с изменением самой системы.

Почему мы не видим сети

Если государства так сильно зависели друг от друга, почему же история так редко делает эту систему связей главным предметом исследования?

На первый взгляд ответ кажется очевидным.

История работает с источниками. А источники почти всегда создаются государствами. Именно государства ведут летописи. Они составляют списки правителей. Заключают договоры. Ведут переписку. Издают законы. Строят дворцы, храмы и крепости, которые спустя тысячи лет становятся объектами археологических исследований. Сама природа исторических источников заставляет исследователя смотреть на мир глазами государства.

Однако государства редко описывают ту систему, частью которой являются.

Египетские писцы писали о фараоне. Римские историки

— об императорах и сенате. Ассирийские хронисты рассказывали о походах своих царей. Но почти никто из них не пытался описать всю совокупность экономических, технологических и культурных связей, делавших существование их государств возможным.

По этой причине современный исследователь нередко оказывается в положении человека, который пытается понять устройство леса, рассматривая по очереди каждое отдельное дерево. Каждое дерево изучено подробно. Но сам лес остается почти незаметным. Именно поэтому многие крупнейшие исторические кризисы долгое время воспринимались прежде всего как политические события.

Падение Рима объясняли варварскими нашествиями. Катастрофу бронзового века — вторжением «народов моря» или дорийцев. Упадок отдельных культур связывали с войнами, засухами, восстаниями или сменой династий.

Все эти объяснения могут быть справедливы. Но каждое из них рассматривает лишь один участок гораздо более сложной картины.

Представим себе современный город. Однажды в нем прекращается подача электричества. Через несколько часов перестают работать светофоры. Останавливается метро. Закрываются магазины. Исчезает мобильная связь. Перестают функционировать банки. Возникают перебои с водой. Если изучать каждое из этих событий отдельно, можно написать множество самостоятельных исследований. Одно будет по-

священо транспорту. Другое — банковской системе. Третье — связи. Четвертое — коммунальному хозяйству. Однако все они окажутся следствиями одной и той же причины — нарушения работы общей инфраструктуры.

Возможно, именно нечто подобное мы наблюдаем и в истории.

То, что выглядит как множество независимых кризисов, иногда может быть проявлением одного процесса — изменения структуры связей между обществами. Разумеется, подобная гипотеза требует чрезвычайной осторожности. Она не отменяет значение климата, войн, эпидемий или внутренних конфликтов. Напротив, все эти факторы могут играть решающую роль.

Но возникает вопрос: почему последствия столь разных событий часто оказываются удивительно похожими? Почему после совершенно различных кризисов мы снова и снова наблюдаем сокращение дальнего обмена, исчезновение сложных административных структур, упрощение хозяйства, изменение системы расселения и постепенное формирование новых центров? Возможно, причина заключается в том, что все эти события воздействуют не только на отдельные общества. Они воздействуют на саму систему связей между ними. Если это действительно так, то именно изменение сети должно стать главным предметом нашего исследования.

Изменить масштаб наблюдения

До сих пор речь шла главным образом о том, что изучает история. Однако не менее важно понять, как она это делает.

Любое исследование начинается с выбора масштаба наблюдения.

Геолог изучает не отдельную песчинку, а процессы, формирующие горные породы и континенты. Биолог может исследовать отдельную клетку, а может — целый организм или экосистему. Экономист способен анализировать деятельность одной компании, но столь же успешно изучает мировую экономику, где судьба отдельного предприятия оказывается лишь небольшой частью гораздо более сложной картины. История также постоянно выбирает масштаб своего исследования.

Можно изучать жизнь одного человека. Можно исследовать историю семьи, города или государства. Можно рассматривать развитие целой цивилизации. Каждый из этих уровней имеет право на существование, и каждый позволяет увидеть то, что остается незамеченным на других уровнях.

Настоящая работа предлагает сделать еще один шаг.

Попробовать рассмотреть историю не как последовательность судебных отдельных государств, а как историю систем взаимодействия, внутри которых эти государства существовали. На первый взгляд подобная замена кажется незначительной. Однако она меняет сами вопросы, которые мы задаем прошлому.

Обычно историк спрашивает: почему возникло государ-

ство? Почему оно усилилось? Почему пришло в упадок? Почему было завоевано соседями?

Все эти вопросы остаются важными. Но рядом с ними появляются другие. Какие связи обеспечивали существование этого государства? Насколько оно зависело от обмена с другими обществами? Какие последствия имело нарушение этих связей? И наконец, что происходило не с одним государством, а со всей системой, частью которой оно являлось?

В этот момент становится заметно, что многие события, традиционно рассматриваемые как независимые, начинают складываться в единую картину. Политический кризис перестает быть исключительно политическим. Экономический кризис — исключительно экономическим. Даже миграции уже нельзя рассматривать сами по себе, если они изменяют структуру взаимодействия между целыми регионами.

Это не означает, что различные причины исторических событий теряют значение. Напротив. Климатические изменения, войны, эпидемии, внутренние конфликты, технологические открытия — все это остается частью исторического процесса. Но теперь они рассматриваются иначе. Не только как события, происходящие внутри отдельных обществ, но и как факторы, способные изменять саму систему связей между ними. Подобная смена масштаба позволяет задать вопрос, который прежде почти не ставился.

Может ли история самих связей оказаться не менее важной, чем история государств?

Если ответ окажется положительным, тогда многие привычные представления потребуют пересмотра. Возможно, некоторые события, которые мы привыкли считать гибелью цивилизаций, на самом деле были прежде всего кризисами крупных систем взаимодействия. Возможно, политические перемены были лишь наиболее заметным проявлением процессов, которые затрагивали значительно более глубокий уровень организации человеческого общества.

Разумеется, подобная гипотеза нуждается в проверке.

Недостаточно показать, что различные общества были связаны между собой. Необходимо понять, существовали ли у этих связей собственные закономерности развития. Возникали ли они постепенно? Становились ли со временем более сложными? Достигали ли пределов устойчивости? Можно ли обнаружить у кризисов общие признаки? И наконец, возникали ли после распада старых систем новые, основанные уже на иных принципах взаимодействия?

Однако, прежде чем обратиться к конкретным историческим примерам, необходимо договориться о языке, которым мы будем пользоваться. До сих пор мы сознательно избегали специальных терминов. Теперь настало время ввести один из них.

В дальнейшем под сетью высокой связности мы будем понимать систему устойчивых взаимодействий между человеческими обществами, в которой регулярный обмен людьми, товарами, технологиями, знаниями и культурными практи-

ками создает взаимозависимость ее участников.

О границах гипотезы

Любая новая исследовательская модель рискует объяснить слишком многое.

История науки знает немало примеров, когда удачная идея постепенно превращалась в универсальный ключ, которым пытались открыть все двери. Подобный соблазн существует всегда. Если новая точка зрения оказывается плодотворной, возникает желание распространить ее на все без исключения исторические события.

Настоящая работа сознательно избегает подобного подхода. Предлагаемая гипотеза не утверждает, что развитие человеческих обществ определяется исключительно состоянием сетей взаимодействия. Она не отрицает значения климата, войн, эпидемий, технологических открытий, демографических процессов или человеческих решений. Все эти факторы были и остаются важнейшими движущими силами истории.

Более того, именно они зачастую становятся причиной изменений, происходящих внутри сетей. Засуха может нарушить привычные хозяйственные связи. Война — разрушить торговые пути. Эпидемия — сократить население и изменить направления миграций. Новая технология, напротив, способна создать связи, которых прежде не существовало.

Сеть не существует отдельно от общества. Она являет-

ся одной из форм его организации. Поэтому задача настоящей книги состоит не в том, чтобы заменить привычные объяснения истории новым универсальным принципом. Задача значительно скромнее. Мы хотим проверить, позволяет ли взгляд на историю через призму сетей увидеть закономерности, которые остаются менее заметными при традиционном подходе.

Существует еще одно важное ограничение.

Эта книга не является попыткой создать новую философию истории. Она не утверждает, что все цивилизации проходят один и тот же путь или что история неизбежно развивается по кругу. Исторические эпохи слишком различны, чтобы их можно было свести к единой схеме. Поздний палеолит невозможно отождествить с бронзовым веком. Римская империя не была похожа на современную мировую экономику. Каждая эпоха обладает собственной культурой, собственными технологиями, собственной политической организацией и собственными причинами кризисов.

Именно поэтому сравниваться будут не цивилизации. Сравняться будут процессы. Если в различных эпохах возникают системы взаимодействия, обладающие сходными структурными свойствами, то возникает естественный вопрос: можно ли обнаружить у них общие закономерности развития?

Ответ на этот вопрос заранее неизвестен. Возможно, сходство окажется поверхностным. Возможно, различий будет

значительно больше, чем совпадений. Именно поэтому гипотеза требует проверки на материале самых разных эпох. Лишь после такого сравнения можно будет судить, обладает ли она объяснительной силой или представляет собой лишь удачную метафору.

В этом смысле настоящая книга предлагает читателю не готовый ответ, а способ постановки вопроса. Если он окажется бесплодным, исследование можно будет считать неудачным. Но если предложенный подход позволит увидеть связи между событиями, которые прежде казались независимыми, значит, сама попытка изменить масштаб исторического наблюдения была оправданной.

Именно поэтому дальнейшие главы не будут начинаться с бронзового века, Рима или любой другой хорошо известной цивилизации. Если главным предметом нашего исследования являются сети взаимодействия, то необходимо сначала понять, когда они вообще появились. В какой момент человеческие сообщества перестали существовать как относительно изолированные группы и начали образовывать устойчивые системы обмена, способные объединять огромные пространства?

Ответ на этот вопрос следует искать значительно раньше появления первых государств. Задолго до первых дворцов. Задолго до письменности. Возможно, даже задолго до земледелия. Именно туда мы теперь и отправимся.

Глава 2

Почему возникают сети

Современному человеку трудно представить мир, в котором не существовало бы сложных связей между человеческими обществами. Ежедневно миллионы тонн грузов пересекают океаны, технологии распространяются по всей планете за считанные месяцы, а экономические события в одной части света способны почти мгновенно отразиться на жизни людей за тысячи километров. Поэтому глобальная взаимозависимость кажется нам исключительно современным явлением.

Однако подобное представление может оказаться обманчивым.

Долгое время считалось, что древнейшие человеческие сообщества существовали преимущественно изолированно. Согласно этой картине, небольшие группы людей лишь изредка вступали в контакт друг с другом, а сложные системы взаимодействия появились значительно позже — вместе с земледелием, первыми городами и государствами. Именно государства долгое время воспринимались как начало настоящей истории человеческих связей.

За последние десятилетия археология существенно изменила эту картину. Сегодня накоплено множество свидетельств того, что дальний обмен возник задолго до появле-

ния первых государств. Уже в эпоху палеолита отдельные виды обсидиана, кремня, охры и морских раковин перемещались на сотни километров от мест своего происхождения. Позднее масштабы подобных перемещений стали еще значительнее. Лазурит из Бадахшана попадал в Месопотамию и Египет. Карнеол из долины Инда обнаруживается в памятниках Передней Азии. Печати цивилизации Инда находят в месопотамских городах. Подобные примеры можно продолжать.

Разумеется, подобные находки не означают, что их владельцы лично преодолевали столь огромные расстояния. Гораздо вероятнее другое. Предметы переходили от одного общества к другому, проходя длинные цепочки обмена, в которых каждый участник взаимодействовал лишь со своими ближайшими соседями. Но именно эта, на первый взгляд, простая мысль имеет для нас принципиальное значение.

Даже если между двумя удаленными обществами никогда не существовало прямого контакта, их все равно могла соединять единая система взаимодействий.

Археология позволяет проследить не только перемещение отдельных предметов. Некоторые исследователи обращают внимание и на значительно более широкие культурные явления. Распространение мегалитических сооружений — дольменов, менгиров и других памятников, обнаруживаемых на огромных территориях Евразии и Северной Африки, а также сходство отдельных мотивов наскального искус-

ства иногда рассматриваются как возможные свидетельства существования весьма протяженных культурных контактов. Следует, однако, подчеркнуть, что подобная интерпретация остается дискуссионной. Сходство форм еще не означает существования единой системы взаимодействия. Оно может быть следствием независимого развития, сходных условий жизни или иных причин.

Тем не менее сами подобные совпадения заставляют поставить вопрос, который до сих пор не имеет окончательного ответа: насколько древними могли быть процессы интеграции человеческих обществ? И именно здесь возникает вопрос, который станет одним из главных вопросов настоящей книги. В какой момент отдельные контакты перестают быть случайными и превращаются в сеть?

На первый взгляд ответ кажется очевидным. Люди обменивались тем, чего не могли получить самостоятельно. Одни территории были богаты качественным камнем, другие — редкими минералами, третьи — древесиной, четвертые — удобными выходами к морю или крупным речным путям. Уже одного этого было достаточно, чтобы обмен постепенно становился частью повседневной жизни. Однако значение подобных связей значительно шире простого перемещения вещей.

Вместе с сырьем распространялись технологии. Вместе с технологиями передавались знания. Вместе со знаниями — новые способы хозяйства, приемы обработки материа-

лов, религиозные представления, культурные традиции и социальный опыт. Люди обменивались не только предметами. Они обменивались способами жить.

Именно поэтому обмен постепенно переставал быть эпизодическим явлением. Каждая новая устойчивая связь увеличивала возможности всех участников. Распространение технологий ускоряло хозяйственное развитие. Хозяйственное развитие способствовало росту населения. Рост населения создавал потребность в более сложных формах организации общества. Новые формы организации, в свою очередь, позволяли поддерживать еще более интенсивный обмен.

Чем больше становилось связей, тем быстрее развивалось общество. Чем сложнее становилось общество, тем сильнее оно нуждалось в новых связях. Именно здесь происходит изменение, которое, возможно, имеет ключевое значение для всей дальнейшей истории человечества.

Пока обмен остается случайным, исчезновение одной связи почти не влияет на жизнь остальных участников. Однако по мере развития специализации положение начинает меняться. Одни регионы сосредотачиваются на добыче определенных ресурсов. Другие становятся центрами ремесленного производства. Третьи превращаются в посредников между удаленными территориями. Постепенно общество начинает рассчитывать не только на собственные возможности, но и на существование других участников системы.

Связи постепенно превращаются во взаимозависимость.

Именно взаимозависимость, а не просто наличие большого количества контактов, отличает сеть высокой связности от обычной совокупности торговых маршрутов. Такое развитие приносит огромные преимущества. Высокая связность делает возможной специализацию труда, ускоряет распространение знаний, способствует появлению крупных городов, развитию ремесел, росту торговли и усложнению общественных институтов. Именно благодаря ей возникают те формы организации общества, которые принято связывать с расцветом цивилизаций.

Но те же самые процессы порождают и новую особенность.

Чем сильнее общества зависят друг от друга, тем большее значение приобретают сами связи между ними. Если прекращает существование небольшое автономное поселение, последствия обычно остаются локальными. Если же нарушаются связи внутри высокоинтегрированной системы, последствия могут выйти далеко за пределы первоначального очага кризиса.

Современная теория сложных систем показывает, что высокосвязанные структуры нередко обладают двойственной природой. Они чрезвычайно эффективны при нормальном функционировании, но в определенных условиях локальные сбои способны распространяться по всей системе, вызывая каскадные нарушения ее работы. Настоящая книга не утверждает, что именно такой механизм действовал во всех исто-

рических эпохах. Однако сама возможность подобного механизма заслуживает самого серьезного внимания.

Если это предположение хотя бы частично соответствует действительности, тогда многие события мировой истории могут предстать перед нами в новом свете. Возможно, войны, эпидемии, миграции и климатические изменения сами по себе далеко не всегда определяют судьбу человеческих обществ. Значительно важнее может оказаться другой вопрос: каким образом подобные события воздействуют на саму систему взаимодействий между обществами.

История знает немало примеров, когда тяжелые потрясения не уничтожали сеть. Исчезали государства. Менялись политические центры. Старые торговые пути уступали место новым. Одни посредники уходили, другие занимали их место. Однако сама система взаимодействия продолжала существовать, приобретая новую конфигурацию. Именно поэтому в настоящей работе наряду с понятиями интеграции и дезинтеграции вводится понятие реорганизации сети.

Под реорганизацией мы будем понимать изменение структуры сети без утраты ее основных функций. Ее отдельные узлы могут исчезать, политическая карта способна измениться до неузнаваемости, однако движение людей, товаров, технологий и знаний продолжается, пусть и по новым маршрутам, и через новых участников.

Это различие представляется принципиальным.

Распад государства далеко не всегда означает распад сети.

Точно так же сохранение государства само по себе еще не свидетельствует о сохранении высокой связности.

Возможно, именно состояние сети — ее усложнение, устойчивость, реорганизация или распад — является тем уровнем исторического процесса, который до сих пор оставался в тени традиционного повествования. Если это действительно так, то многие крупнейшие переломы мировой истории следует рассматривать прежде всего как изменения в структуре человеческих взаимодействий, а уже затем — как смену государств, династий или политических режимов.

От чего зависит судьба сети

Если предложенная выше гипотеза верна, возникает следующий вопрос.

Почему одни сети переживают самые тяжелые потрясения, а другие распадаются настолько глубоко, что восстановление прежнего уровня связности занимает столетия, а иногда становится вообще невозможным?

Интуитивный ответ кажется очевидным.

Войны разрушают города. Засухи уничтожают урожаи. Эпидемии сокращают население. Массовые миграции меняют этническую карту целых регионов. Все это действительно способно оказывать огромное влияние на человеческие общества. Однако сама история заставляет относиться к подобному объяснению с осторожностью.

Практически каждая крупная цивилизация переживала

войны. Почти каждое государство сталкивалось с эпидемиями. Климатические изменения неоднократно происходили на протяжении всей истории человечества. Тем не менее последствия подобных событий оказывались совершенно различными.

Иногда после тяжелейших потрясений общество удивительно быстро восстанавливало прежний уровень развития. Иногда политическая карта менялась почти полностью, однако система взаимодействия продолжала существовать. В других случаях, напротив, сравнительно непродолжительный кризис приводил к исчезновению сложных ремесел, сокращению дальнего обмена, упрощению хозяйства и утрате письменности.

Если причины были столь различны, почему последствия нередко оказываются настолько похожими? Возможно, дело заключается в том, что сами войны, эпидемии или климатические изменения еще не определяют судьбу сети. Они лишь воздействуют на нее.

Решающим может оказаться другое обстоятельство — способна ли сеть сохранить свою связность после возникшего потрясения. Если существующие связи достаточно гибки, часть из них может быть заменена новыми. Если исчезает один посредник, его место занимает другой. Если старый торговый путь становится невозможным, постепенно возникает новый маршрут. В подобных случаях сеть не исчезает. Она изменяет собственную структуру. Именно этот процесс

мы называем реорганизацией.

Но возможна и другая ситуация.

Если взаимозависимость достигает такого уровня, при котором нарушение нескольких ключевых связей делает невозможным функционирование всей системы, тогда последствия начинают распространяться значительно дальше первоначального очага кризиса. Выпадение одного элемента увеличивает нагрузку на другие. Нарушение одних связей затрудняет работу остальных. Возникает цепная реакция, которая постепенно охватывает все большую часть сети. Именно такую возможность мы будем называть каскадной дезинтеграцией.

Следует подчеркнуть, что речь идет не о новом историческом законе и не об универсальном объяснении всех крупных кризисов прошлого. Настоящая работа предлагает лишь гипотезу.

Возможно, существуют эпохи, в которых подобный механизм вообще не играл существенной роли. Возможно, существуют цивилизации, устойчивость которых определялась совершенно иными факторами. Возможно, для разных исторических периодов окажутся справедливы разные модели развития.

Именно поэтому дальнейшие главы не будут пытаться доказать заранее сформулированную идею.

Мы лишь попробуем проверить, позволяет ли предложенная модель объяснить реальные исторические процессы луч-

ше, чем традиционный взгляд, сосредоточенный исключительно на судьбе отдельных государств.

Именно поэтому первым большим примером станет мир позднего бронзового века. Не потому, что он представляет собой первую известную человечеству сеть высокой связности. Этого мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем с полной уверенностью.

Причина значительно проще.

Поздний бронзовый век — первая эпоха, для которой мы одновременно располагаем археологическими данными, письменными источниками и материальными свидетельствами настолько высокого качества, что можем попытаться реконструировать не только историю отдельных государств, но и историю связывавшей их системы взаимодействия.

Именно там мы впервые попробуем ответить на вопрос, который проходит через всю эту книгу.

Что именно исчезает во время великих исторических катастроф? Государства? Цивилизации? Или прежде всего — соединявшие их сети?

Глава 3

Сеть и рождение общественных институтов

До сих пор мы рассматривали сети высокой связности как самостоятельный объект исторического исследования. Мы попытались показать, что человеческие общества никогда не существовали полностью изолированно друг от друга и что по мере развития обмена отдельные связи постепенно складывались в устойчивые системы взаимодействия. Именно эти системы, как было предложено в предыдущих главах, могут рассматриваться в качестве одного из главных факторов исторического развития. Однако если эта гипотеза хотя бы частично соответствует действительности, возникает следующий вопрос.

Что происходит с обществом по мере усложнения самой сети?

На первый взгляд ответ кажется очевидным. Увеличивается объем торговли. Быстрее распространяются технологии. Расширяются культурные контакты. Однако подобное объяснение затрагивает лишь внешнюю сторону происходящих изменений. Возможно, по мере развития сети начинает изменяться сама внутренняя организация общества.

Представим небольшое поселение, существующее преимущественно за счет собственного хозяйства. Большая часть необходимых вещей производится внутри общины.

Передача знаний осуществляется устно. Одни и те же люди одновременно занимаются земледелием, строительством, изготовлением орудий и решением внутренних споров. Подобное общество может существовать достаточно устойчиво, не нуждаясь в сложной системе управления, многочисленных профессиональных ремеслах или развитием административном аппарате.

Совершенно иной становится картина, когда тысячи подобных поселений оказываются объединены устойчивыми связями.

По мере расширения обмена хозяйство неизбежно начинает усложняться. Одни регионы постепенно специализируются на добыче сырья, другие — на ремесленном производстве, третьи становятся посредниками между удаленными территориями. Увеличивается объем перевозок. Возрастает количество участников обмена. Появляются долговременные обязательства, требующие учета и контроля. Возникают все более сложные формы взаимодействия между обществами.

Именно в этот момент сеть начинает предъявлять новые требования к самим участникам.

Возникает необходимость хранить и передавать большие объемы информации. Координировать деятельность множества людей. Разрешать споры. Обеспечивать безопасность торговых путей. Поддерживать единые правила обмена. Организовывать строительство крупных общественных соору-

жений. Выполнять множество задач, которых прежде просто не существовало.

Возможно, именно здесь возникает один из важнейших механизмов исторического развития. Общество начинает создавать новые институты не потому, что стремится к большей сложности как таковой, а потому, что прежние формы организации уже не способны обслуживать сеть достигнутого уровня развития.

Если это предположение верно, то многие привычные представления о происхождении цивилизации требуют некоторого уточнения.

Мы привыкли рассматривать государство, письменность, профессиональную бюрократию, денежное обращение или систему мер и весов как самостоятельные достижения цивилизации. Однако возможно и другое объяснение. Все они могут быть различными ответами на одну и ту же задачу — необходимость организовать существование все более сложной системы человеческих взаимодействий. В таком случае сами общественные институты перестают выглядеть случайным набором исторических изобретений.

Они начинают восприниматься как функциональные элементы сети.

Каждый из них выполняет собственную задачу. Государство обеспечивает политическую организацию и безопасность. Письменность позволяет сохранять и передавать информацию. Административный аппарат координиру-

ет управление. Стандартизированные меры и веса делают возможным регулярный обмен. Денежное обращение упрощает хозяйственные связи. Ни один из этих институтов не существует сам по себе. Каждый из них приобретает смысл лишь тогда, когда становится необходимым для функционирования достаточно сложной системы взаимодействия.

Разумеется, подобная гипотеза не означает, что все государства возникали одинаково или что каждый общественный институт имеет единственную причину своего появления. История значительно сложнее любой универсальной схемы. Политические решения, войны, религиозные представления, географические условия и множество других факторов также играли важную роль в развитии человеческих обществ.

Однако возникает вопрос, который до сих пор редко ставился в качестве самостоятельного предмета исследования.

Могут ли все эти институты иметь общий источник?

Возможно ли, что независимо от конкретных исторических обстоятельств они возникают тогда, когда сеть высокой связности достигает такого уровня сложности, при котором прежние формы организации общества перестают быть достаточными?

Именно эту возможность мы и попытаемся проверить в следующих разделах. Не рассматривая каждый общественный институт изолированно, а пытаясь понять, какую функцию он выполнял внутри той системы человеческих взаимо-

действий, частью которой являлся. Только после этого можно будет перейти к следующему вопросу, который, вероятно, является главным для настоящей книги: если сеть способна порождать общественные институты, то что происходит с ними тогда, когда сама сеть переживает кризис?

Первым примером, который позволяет рассмотреть подобную возможность, может служить письменность.

Традиционно ее появление рассматривается как одно из величайших достижений человеческой цивилизации. Действительно, именно письменность сделала возможными накопление знаний, развитие законодательства, появление исторических хроник, сложного управления и многих других явлений, без которых невозможно представить древние государства.

Однако существует вопрос, который задается значительно реже. Почему письменность вообще появилась именно тогда, когда она появилась?

Человек обладал современными анатомическими возможностями значительно раньше возникновения первых письменных систем. Его интеллектуальные способности также практически не отличались от наших. На протяжении десятков тысячелетий люди создавали сложные орудия, произведения искусства, совершали дальние миграции, передавали знания из поколения в поколение исключительно устным путем. Что же изменилось настолько, что возникла необходимость принципиально нового способа хранения ин-

формации?

Обычный ответ сводится к развитию государства.

По мере роста первых цивилизаций возникла потребность учитывать налоги, вести хозяйственные записи, хранить договоры, фиксировать распоряжения правителей. Все это действительно сыграло огромную роль в становлении письменности. Но подобное объяснение можно продолжить еще на один шаг.

Почему самому государству вдруг потребовались столь сложные способы учета?

Возможно, причина заключалась не только в размерах государства, но и в размерах той сети взаимодействий, которую ему приходилось обслуживать. По мере роста обмена увеличивалось количество товаров, участников торговли, хозяйственных обязательств и административных решений. Информация переставала уместиться в пределах человеческой памяти. То, что прежде мог запомнить один человек или небольшая группа людей, теперь требовало постоянной фиксации, проверки и передачи на большие расстояния. В этом случае письменность предстает уже не как случайное изобретение гениальных людей и даже не только как инструмент государства. Она становится ответом общества на усложнение самой сети.

Разумеется, подобная точка зрения не исключает других причин возникновения письменности. Религиозные практики, политическая власть, хозяйственный учет и культурные

традиции, безусловно, оказали огромное влияние на развитие первых письменных систем. Однако все эти явления имеют одну общую особенность. Каждое из них связано с необходимостью обработки все возрастающего объема информации.

Именно это обстоятельство позволяет поставить следующий вопрос. Если письменность возникла как один из способов обслуживания сложной системы взаимодействий, что должно произойти после исчезновения самой потребности в подобной системе?

История дает на этот вопрос любопытный материал для размышлений. После катастрофы позднего бронзового века в ряде регионов Восточного Средиземноморья письменность либо полностью исчезает, либо на многие поколения становится чрезвычайно редким явлением. Обычно этот факт рассматривается как одно из наиболее убедительных свидетельств общего культурного упадка.

Подобная интерпретация вполне возможна. Но существует и другая. Возможно, исчезла необходимость массового существования института письменности.

Если сложная система управления, дальней торговли и хозяйственного учета перестает существовать, вместе с ней исчезает и постоянный общественный запрос на большое количество писцов, архивов и административных документов. Письменность перестает быть повседневным инструментом управления сложным обществом и сохраняется лишь там,

где продолжает выполнять ограниченный круг функций.

Эта мысль имеет принципиальное значение. Она показывает, что речь может идти не только о письменности. Любой общественный институт существует до тех пор, пока общество испытывает потребность в той функции, которую он выполняет. Когда эта потребность исчезает или радикально меняется, начинает изменяться и сам институт. Иногда он приспособливается к новым условиям. Иногда трансформируется почти до неузнаваемости. Иногда исчезает вовсе, уступая место другим формам организации.

Письменность является лишь одним из возможных примеров. Не менее показательным может оказаться происхождение государства.

На протяжении долгого времени государство рассматривалось прежде всего как источник порядка, силы и организации общества. Именно государству приписывали создание законов, строительство дорог, защиту населения, развитие хозяйства и многие другие достижения цивилизации. Подобная точка зрения во многом справедлива. Однако она оставляет без ответа один важный вопрос.

Почему государство вообще возникает?

На этот вопрос существует множество ответов. Одни исследователи связывают происхождение государства с необходимостью вести войны. Другие — с развитием ирригационного земледелия. Третьи — с имущественным расслоени-

ем общества, ростом населения или религиозной властью. Все эти объяснения имеют серьезные основания и подтверждаются многочисленными историческими примерами. Настоящая работа не ставит перед собой задачу заменить существующие теории новой универсальной схемой. Однако она предлагает рассмотреть еще одну возможность.

По мере усложнения сети взаимодействий общество неизбежно сталкивается с задачами, которые невозможно решить усилиями отдельных общин. Необходимо обеспечивать безопасность торговых путей. Разрешать конфликты между различными группами населения. Поддерживать единые правила обмена. Организовывать строительство крупных общественных сооружений. Координировать использование ресурсов, значение которых выходит далеко за пределы одного поселения.

Иными словами, сама сеть начинает нуждаться в механизмах управления. Если это предположение верно, государство можно рассматривать не только как политический институт, но и как одну из форм организации сложной системы взаимодействий. Это вовсе не означает, что любое государство возникает исключительно благодаря развитию обмена. История знает множество различных путей формирования власти. Но возможно, что независимо от конкретных причин государство оказывается наиболее устойчивым именно там, где уже существует достаточно развитая сеть человеческих связей и возникает общественная потребность в координа-

ции этой сети.

Подобную закономерность можно проследить и в отношении многих других общественных институтов. Стандартизированные меры длины, веса и объема приобретают особое значение лишь тогда, когда обмен становится регулярным и охватывает большое количество участников. Денежное обращение развивается по мере усложнения хозяйственных связей и роста числа сделок. Профессиональное ремесло становится возможным лишь в обществе, где существует развитая специализация и устойчивый обмен результатами труда. Даже крупные города могут рассматриваться не только как места проживания большого количества людей, но и как узлы сети, в которых концентрируются управление, обмен, производство и распространение информации.

Во всех этих случаях мы наблюдаем одну и ту же последовательность. Сначала усложняется система взаимодействий. Затем возникает общественная потребность в новом способе организации этих взаимодействий. И лишь после этого появляется институт, который берет на себя выполнение соответствующей функции.

Разумеется, подобная последовательность не является доказанной закономерностью. Она представляет собой лишь гипотезу, требующую проверки на материале различных исторических эпох. Однако если она хотя бы частично соответствует действительности, то возникает весьма важное следствие.

Мы можем предположить, что общественные институты следует рассматривать не изолированно друг от друга, а как взаимосвязанные элементы единого цивилизационного комплекса. Каждый из них обслуживает определенную сторону жизни сети высокой связности. Пока такая сеть развивается, развивается и совокупность институтов, обеспечивающих ее существование. Именно это предположение позволяет перейти к следующему вопросу.

Если общественные институты возникают как ответ на усложнение сети, что происходит с ними тогда, когда сама сеть начинает утрачивать свою связность?

До сих пор мы сознательно рассматривали каждый общественный институт отдельно. Это было необходимо, чтобы показать сам принцип предлагаемой гипотезы. Однако в действительности письменность, государство, денежное обращение, профессиональное ремесло, стандартизированные меры и веса, развитые города или сложная административная система никогда не существуют независимо друг от друга. Они образуют единый комплекс.

Появление одного института постепенно создает условия для развития других. Расширение торговли требует единых правил обмена. Развитие хозяйства увеличивает потребность в учете. Учет способствует распространению письменности. Письменность делает возможным более сложное управление. Более сложное управление позволяет обслуживать еще более крупную систему взаимодействий. Таким об-

разом, общественные институты не просто сосуществуют. Они взаимно усиливают друг друга, формируя все более сложную систему организации общества.

Именно поэтому цивилизацию, возможно, следует рассматривать не как совокупность отдельных достижений, а как целостную систему взаимосвязанных институтов, каждый из которых выполняет определенную функцию внутри общей сети.

Это же верно и для самого понятия цивилизации.

Обычно цивилизацию определяют через наличие городов, государства, письменности, сложной социальной организации, монументального строительства или развитого хозяйства. Подобные определения чрезвычайно полезны, однако они перечисляют прежде всего внешние признаки цивилизации. Мы предлагаем обратить внимание на то, что может объединять все эти признаки.

Возможно, все они являются различными проявлениями одного процесса — усложнения сети человеческих взаимодействий. Если это предположение верно, то государства, письменность, города или денежное обращение перестают быть независимыми явлениями. Они оказываются различными способами решения задач, которые возникают по мере роста связности общества.

Подобный взгляд имеет одно следствие. Если общественные институты действительно являются продуктом развития сети, то их судьба неизбежно должна быть связана с судьбой

самой сети. Пока сеть развивается, возникают новые функции, а вместе с ними появляются новые институты. Но если сеть начинает изменяться, изменяются и институты, которые она породила. Одни приспособляются к новым условиям. Другие утрачивают свое значение. Третьи исчезают совсем.

Однако если сеть способна создавать цивилизационные комплексы, то почему спустя столетия или тысячелетия эти комплексы начинают разрушаться? Почему общественные институты, существовавшие на протяжении многих поколений, внезапно оказываются ненужными? Почему после крупнейших исторических кризисов мы вновь наблюдаем сокращение дальнего обмена, исчезновение некоторых ремесел, упрощение хозяйства, отказ от сложных административных систем, а иногда и исчезновение письменности?

Традиционная историография обычно отвечает на эти вопросы отдельно. Одни исследователи говорят о войнах. Другие — об изменении климата. Третьи — об эпидемиях, миграциях или внутренних социальных конфликтах. Все эти объяснения, безусловно, имеют огромное значение. Однако возможно, что все они затрагивают лишь различные причины одного и того же процесса. Если предложенные в предыдущих главах гипотезы хотя бы частично соответствуют действительности, то возникает возможность поставить еще один вопрос. Не являются ли крупнейшие цивилизационные кризисы прежде всего кризисами самих сетей высокой связности?

Глава 4

Государство как институт координации

На протяжении большей части истории государство рассматривалось как высшая форма организации человеческого общества. Именно государству традиционно приписывают создание законов, поддержание порядка, строительство дорог, защиту населения, организацию хозяйства и многие другие достижения цивилизации. Подобный взгляд настолько привычен, что редко вызывает сомнения. Однако если принять гипотезу, изложенную в предыдущих главах, возникает возможность поставить вопрос несколько иначе.

Что, если государство является не только причиной развития сложного общества, но и его следствием?

До сих пор мы исходили из предположения, что по мере роста сети высокой связности общество неизбежно сталкивается с задачами, которые невозможно решить в рамках отдельных общин или небольших локальных объединений. Развитие обмена требует единых правил. Специализация хозяйства увеличивает взаимозависимость различных регионов. Возрастают объемы перевозок, усложняется распределение ресурсов, увеличивается количество конфликтов, связанных с торговлей, собственностью и выполнением обязательств. Все это создает новые задачи, которых прежде либо не существовало, либо они не имели столь большого значе-

ния.

Возникает необходимость поддерживать безопасность путей сообщения. Гарантировать исполнение договоров. Защищать склады, мастерские и рынки. Поддерживать единые меры веса, длины и объема. Организовывать строительство крупных сооружений, необходимых не отдельному поселению, а целому региону. Координировать использование природных ресурсов. Разрешать споры между общинами, все более зависящими друг от друга.

Каждая из этих задач может существовать сама по себе. Однако по мере усложнения сети постепенно возникает потребность в институте, способном выполнять их одновременно. Именно здесь появляется вопрос, который, насколько известно автору, редко ставится в подобной форме. Не является ли государство прежде всего способом организации сложной сети человеческих взаимодействий?

Разумеется, подобная постановка вопроса не отменяет существующих теорий происхождения государства. Войны, имущественное расслоение, развитие земледелия, религиозные представления, демографический рост и многие другие факторы, безусловно, сыграли огромную роль в возникновении первых государственных образований. Однако возможно, что все эти процессы объединяет одно общее обстоятельство. Каждый из них сопровождался усложнением общественных связей. Если это предположение хотя бы частично соответствует действительности, тогда государство мож-

но рассматривать не как исключительное явление, стоящее над обществом, а как один из общественных институтов, возникший в ответ на потребности все более сложной системы взаимодействий.

Подобная точка зрения позволяет иначе взглянуть и на функции государства. Возможно, их объединяет не столько политическая природа, сколько стремление обеспечить устойчивое существование самой сети. Защита дорог обеспечивает движение товаров. Единые законы делают предсказуемыми хозяйственные отношения. Единая система мер и весов снижает издержки обмена. Судебная система уменьшает количество конфликтов между участниками экономической жизни. Налоговая система позволяет содержать инфраструктуру, необходимую для функционирования общества в целом. Даже армия в этом случае может рассматриваться не только как средство ведения войны, но и как инструмент защиты пространства взаимодействия, внутри которого существует сеть. Если посмотреть на государство с этой точки зрения, многие его функции перестают казаться случайным набором полномочий. Они складываются в единую систему, главной задачей которой становится поддержание условий, необходимых для существования общества с высокой степенью внутренней связности.

Именно поэтому возникает следующий вопрос, который станет одним из ключевых для дальнейшего исследования. Что происходит с государством тогда, когда сама сеть пере-

стает нуждаться в прежнем уровне координации? На первый взгляд ответ кажется очевидным. Государства распадаются в результате войн, внутренних конфликтов, экономических кризисов или внешних вторжений. Все эти причины, безусловно, реальны. Однако возможно и другое объяснение. Возможно, в ряде случаев политический распад является не началом кризиса, а его следствием. Если сеть высокой связности начинает утрачивать свою целостность, если сокращается обмен, исчезает специализация, уменьшается взаимозависимость отдельных регионов, то постепенно исчезает и общественный запрос на существование прежней системы управления.

В таком случае государство перестает быть необходимым не потому, что оно оказалось слабым, а потому, что изменились условия, ради которых оно существовало. Эта мысль, разумеется, требует чрезвычайно осторожной проверки. Именно поэтому в последующих главах мы обратимся к крупнейшим историческим примерам и попытаемся ответить на два вопроса.

Что возникает раньше — сеть или государство? И что исчезает раньше — государство или сеть?

Именно последовательность этих событий может стать одним из важнейших критериев проверки предлагаемой в настоящей книге гипотезы.

Однако существует и еще одно обстоятельство, которое делает подобную постановку вопроса особенно интересной.

Если государство действительно выполняет функции координации сложной системы взаимодействий, то можно ожидать, что степень его развития будет в определенной мере зависеть и от степени сложности самой сети.

Иными словами, чем большее количество взаимосвязей приходится обслуживать обществу, тем более сложные механизмы координации могут ему потребоваться.

Разумеется, подобная зависимость не должна рассматриваться как универсальный закон. История знает множество государств, значительно отличавшихся друг от друга по своим размерам, политическому устройству и уровню развития. Одни строились вокруг крупных торговых центров, другие — вокруг военной организации, третьи — вокруг религиозной власти. Тем не менее независимо от этих различий большинство развитых государств постепенно приобретало сходные функции.

Они обеспечивали безопасность внутренних коммуникаций. Создавали единое правовое пространство. Поддерживали общие стандарты управления. Организовывали сбор ресурсов, необходимых для содержания инфраструктуры. Обеспечивали выполнение решений, распространявшихся на большие территории. Иными словами, брали на себя задачи, которые невозможно было эффективно решать на уровне отдельных общин. Именно это обстоятельство позволяет поставить еще один вопрос. Не связано ли постепенное усложнение государственного устройства с усложнением са-

мой сети человеческих взаимодействий? Если подобная зависимость действительно существует, то развитие государства перестает выглядеть исключительно результатом политической борьбы или деятельности отдельных правителей. Оно может оказаться отражением гораздо более глубоких процессов, происходивших в самом обществе.

При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о возникновении государства как такового. Государственные образования существовали в самых различных формах и возникали по самым разным причинам. Настоящая работа предлагает обратить внимание на другое. Возможно, по мере усложнения сети постепенно возрастала потребность именно в тех функциях, которые развитое государство способно выполнять наиболее эффективно.

Если это предположение окажется хотя бы частично справедливым, то государство можно рассматривать не только как политический институт, но и как один из элементов более широкого цивилизационного комплекса, обеспечивающего существование общества высокой связности.

Цивилизация как система взаимодействий

Именно эта мысль позволяет перейти к следующему этапу нашего исследования.

Государство представляет собой лишь один из элементов значительно более сложной системы. До сих пор мы сознательно рассматривали общественные институты по отдель-

ности. Это было необходимо, чтобы проследить возможную связь каждого из них с развитием сети высокой связности. Однако в действительности они почти никогда не существуют изолированно друг от друга.

Государство невозможно представить без управления. Управление невозможно без передачи и хранения информации. Письменность облегчает хозяйственный учет и административную деятельность. Развитие торговли делает необходимыми единые меры и веса. Специализация хозяйства способствует возникновению профессионального ремесла. Крупные города становятся центрами управления, производства и обмена. Каждый из этих институтов выполняет собственную функцию, но одновременно создает условия для существования остальных.

Именно поэтому представляется возможным рассматривать их не как совокупность случайно возникших общественных явлений, а как единую систему.

В настоящей работе мы будем называть такую систему цивилизационным комплексом.

Под цивилизационным комплексом понимается совокупность взаимосвязанных общественных институтов, обеспечивающих существование общества в условиях высокой связности. Государство, письменность, денежное обращение, профессиональная администрация, система мер и весов, крупные города, развитое ремесло и другие элементы не существуют независимо друг от друга. Они образуют единый

механизм, в котором изменение одного элемента неизбежно отражается на функционировании остальных.

Подобная постановка вопроса позволяет иначе взглянуть и на само понятие цивилизации. Традиционно цивилизацию определяют через перечень ее признаков: наличие государства, городов, письменности, сложной социальной организации, монументального строительства, развитого хозяйства. Подобный подход чрезвычайно полезен для описания общества, однако он практически не отвечает на вопрос, почему все эти признаки столь часто возникают одновременно.

Если же рассматривать их как элементы единого цивилизационного комплекса, подобное совпадение перестает казаться случайным. Возможно, все эти институты являются различными способами решения одной и той же задачи — обеспечения существования общества в условиях высокой взаимозависимости.

Именно поэтому государство не следует рассматривать как силу, самостоятельно создающую цивилизацию. Скорее, оно является одним из важнейших институтов координации внутри уже сформировавшегося цивилизационного комплекса. Его функции оказываются неотделимы от функций письменности, хозяйственного учета, торговли, стандартизации, городской жизни и множества других общественных институтов. Каждый из них выполняет собственную задачу, однако лишь вместе они образуют устойчивую систему.

Если подобная гипотеза хотя бы частично соответствует

действительности, то возникает возможность иначе взглянуть и на крупнейшие исторические кризисы.

На протяжении долгого времени считалось, что гибель цивилизации означает прежде всего исчезновение народа или его вытеснение другим населением. Однако данные современной археологии, а в последние десятилетия и палеогенетики, все чаще свидетельствуют о значительно большей преемственности населения, чем предполагалось еще в XIX веке. Во многих случаях люди продолжали жить на прежних территориях, сохраняя значительную часть своих культурных традиций и биологической преемственности. Изменялся прежде всего способ организации общества.

Исчезали крупные города. Прекращалось монументальное строительство. Разрушалась система управления. Сокращалась дальняя торговля. Упрощалось хозяйство. Исчезали или радикально изменялись общественные институты, обеспечивавшие существование сложного общества.

Иными словами, разрушался не столько сам народ, сколько цивилизационный комплекс, внутри которого этот народ существовал.

Возможно, именно поэтому после крупнейших исторических кризисов мы нередко наблюдаем парадоксальную картину. Население остается. Продолжается хозяйственная деятельность. Нередко сохраняются язык, религиозные представления и многие элементы культуры. Однако общество начинает существовать уже совершенно иначе. Исчезает

прежний уровень специализации, сокращается обмен, изменяется организация власти, утрачиваются сложные формы управления и производства.

Если предложенная в настоящей работе гипотеза хотя бы частично соответствует действительности, то именно разрушение цивилизационного комплекса, а не исчезновение отдельных народов или государств, следует рассматривать как одно из важнейших проявлений цивилизационных кризисов.

Именно этот вопрос станет отправной точкой следующей части книги. Мы попытаемся понять, почему цивилизационные комплексы, существовавшие иногда на протяжении многих столетий, начинают разрушаться. Что именно происходит раньше — распад сети высокой связности или распад обслуживающего ее цивилизационного комплекса? И существуют ли закономерности, позволяющие объяснить повторяемость подобных кризисов в истории человечества?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.